

ВЫБОР РАВНИКИ

Сборник новелл

Иллюзии детской забавы

...
...
...
...

Автор:

Nicky Drayden

Перевод:

Андрей Ф. Галилейский

ИЛЛЮЗИИ ДЕТСКОЙ ЗАБАВЫ

Я наблюдаю за ней через витринные окна ее чучельной лавки, не в силах унять трепет в своем чертовом сердце. Она стоит, склонившись над верстаком, нанося краской рожицы на миниатюрные черепа и затем закрепляя их на кукольных туловищах, разодетых в нарядные костюмы, сшитые по ее собственным эскизам. Крой черной кожи не уступает изысканности облачения Бичующей Дивы, а от аккуратности, с которой она украшает черепа рожками, в моем сердце вспыхивает пламя.

Wesley Burt

На этот раз я должен с ней заговорить. Ольрик, этот дьяволенш, которого я иногда решаюсь называть своим другом, говорит, что покровсает меня на куски, если я приволоку домой очередное чучело вместо ее имени.

Я делаю глубокий вдох, перехожу улицу, обходя стороной пару адских псов, грызущихся за бедро какого-то несчастного добровольца, решившего поучаствовать в представлении прошлой ночью. Большая часть крови и внутренностей уже убрана падальщиками, и лишь бурые пятна в стыках камней брусчатки напоминают о том, что дюжина жителей погибла здесь в развернувшейся кровавой бане менее суток назад.

Прекрасное время.

- Язычник! – Выкрикивает старик, замотанный с головы до пят в бело-синюю мантию, стоя на тротуаре у входа в лавку. Я заглядываю через плечо, дабы убедиться, что он не обращается к кому-то другому.

- Прошу прощения? – говорю я.

- Демон! Похититель душ! Породитель блуда! – Выкрикивает он и сует мне брошюру нового Центра Восстановления Целомудрия, открывшегося в паре кварталов отсюда. – Одумайся! Прими путь закона и порядка, пока не поздно!

Меня называли именами и похуже, и, хотя по большей части это правда, это не значит, что мне нравятся оскорбления напыщенных азориусовских ораторов, особенно когда я никого не трогаю и занят своими делами. Перед глазами проносятся воспоминания о жизни до того, как я примкнул к Рекдосам, до того, как я научился направлять гнев в азарт своих выступлений. В те далекие дни переломанные кости и истерзанная плоть были моими любимыми средствами самовыражения.

Но в следующее мгновение я чувствую, что *она* смотрит на меня сквозь витринное окно. Я тут же забываю о желании пробить рогами брюхо этого парня и захожу в лавку.

Я делаю вид, что рассматриваю товары, пожирая глазами подвешенных за шеи кукол. Даже самые простые из них на голову превосходят большинство поделок прочих умельцев. Чары в чучелах притягивают меня, а их пуговичные глаза не сводят взгляда с того места, где у меня располагалась бы душа, если бы она у меня была. Я снимаю одну куклу с петли и поворачиваю, рассматривая качество швов, искоса поглядывая на хозяйку лавки. Также беру угольный брусок, притворяясь, что хочу нарисовать лицо врага на чучеле и поджечь его.

Больше никаких чучел, Кодо! Вспоминаю я слова Ольрика. Конечно, он выразился не совсем так. Там была еще пара проклятий и оскорблений, но чего он ожидал? Что я подойду к ней и начну болтать о погоде?

- Я могу тебе помочь? – спрашивает она. Ее глаза темнее ночи, а остатки красного грима со вчерашнего веселья все еще покрывают половину лица.

- Я. Эм. Уффф... - Я протягиваю ей куклу и угольный брусок. – Хочу купить вот это.

Она выхватывает чучело и брусок из моих рук. – Не-а. Ты приходишь сюда каждую неделю уже полтора месяца. Последний раз ты купил целую стопку порчиевого пергамента, и мне пришлось зачаровывать новую партию! Даже у Лизольды не было столько врагов. Чего тебе надо?

Просто представься. Завяжи разговор. Ты же демон, Кодо. Отрасти себе пару рогов и веди себя соответствующе!

- Мы, - бормочу я. – Ты и я. Мы... - Мы пересекались на разных вечеринках, купаясь в гедонистических удовольствиях и агонизирующих представлениях. Она была весьма крепка для человека и не вздрагивала при виде болевых артистов – пожирателей стекла, шутов, ходящих по огню и жонглирующих пылающими черепами... но ее стойкость, наконец, дрогнула от вида огра, пытавшегося протаскать набитую бесами тележку за цепи, закрепленные рыболовными крюками к его нижним векам. Очевидно, в ту ночь, в тележке оказалось на одного беса больше, и когда вопли огра сотрясли манеж, ее ладонь скользнула в мою и не покидала ее до конца

представления. Мы пили, танцевали, целовались, смеялись, когда выяснили, что у обоих стоп-словом было «иллюзия». – Мы... - я использую пару неприличных жестов, пытаюсь намекнуть на развратные действия, которым мы предавались, но она смотрит на меня сощуренными глазами, ожидая, пока я что-то из себя выдавлю.

- А! Зверь с двумя спинами! – Воскликает она.

Я киваю, но замечаю, что кто-то другой зашел в лавку и перехватил ее внимание. Приторно-копченый смрад преисподней кружит голову, и тени вокруг начинают извиваться и раздуваться, словно позабыв собственную природу. Я поворачиваюсь и вижу потустороннее существо – забавный набор синевато-черных конечностей, тянущихся из бугристого туловища с шишковатым позвоночником, заметным как спереди, так и сзади. Головы, как таковой, нет, но я уверен, что эта тварь на меня тарашится.

- Я с тобой не закончила, - говорит мне хозяйка лавки, прежде чем направится к покупателю. Она нагружает каждую его руку мешками, стоящими у прилавка.

Пока она занята, я по крупичам сгребая все свое мужество. Другого шанса у меня не будет. Чучельный маг – последний, кого следует злить во всей Равнике.

- Передай хозяину мои пожелания самого извращенного Фестиваля Ярости! – Говорит она, с улыбкой провожая двуспинного зверя. Затем ее взгляд вновь твердеет, и она возвращается ко мне.

- Привет, - произношу я, протягивая руку. – Я Кодолааг. Мы зависали на паре вечеринок.

Она осматривает меня с рог до копыт и складывает руки на груди. – Ну да. Кого-то ты мне напоминаешь. Красная кожаная маска? Симметричный пирсинг с шипованными шарами на цепях? – В ее голосе проявляется рык недовольства. – Ты хоть понимаешь, что я здесь работаю?

- Язычник! – Снова доносится крик старика, орущего в этот раз на двуспинного зверя. – Дьявольское семя!

Я пытаюсь не обращать на него внимание и сосредоточиться на том, зачем я здесь. – Знаю, это жутко неуместно, но я просто подумал, что мы...

- Ты решил, что у нас с тобой какая-то связь, перетекшая в нашу личную жизнь?

Что ж, когда произносишь такие вещи вслух, это и правда звучит довольно глупо. Я улыбаюсь, пытаюсь сохранить лицо. – Знаешь, клуб «Ночной Хохот», в паре кварталов отсюда? Сегодня...

- Ну, и?

- Я подумал, почему бы не пригласить тебя? У меня там выступление. Что-то типа поэтических комментариев на социальные темы.

- Не могу. Это первая ночь Фестиваля Ярости, и я не укладываюсь в график по чучелам. Хотя, это не столь уж важно, благодаря этому азориувскому крикуну, отпугивающему всех моих покупателей.

- Почему бы тебе... ну, знаешь. – Я указываю на чучело, затем издаю звук, похожий на небольшой взрыв и шевелю пальцами, изображая оседающий пепел.

- Новые правила были прописаны в небе на прошлой неделе. Использование чучельных заклинаний, направленных на членов Сената Азориус теперь карается лишением свободы. Он меня бесит, но я не хочу из-за него терять лавку.

Может, для нее это действительно рискованно, но мне-то терять нечего. Я беру из корзины лист порчиевого пергамента и угольный брусок и подхожу к окну. Азориус теперь орет на пару огров. Пик Осмеяния и окрестные районы принадлежали Рекдосу сколько я себя помню, а значит, как минимум пару тысяч лет. Но в последнее время, Азориус начал наводить здесь свои порядки, скупая дешевую недвижимость, устанавливая повсюду надзорные разломы, а потом жалуясь, когда еженочные уличные представления выплескивались на их стриженные газоны. Невозможно спокойно наблюдать за тем, как порядок и правосудие терзают нашу свободную коммуну.

Я быстро набрасываю образ старика. Я плохо рисую, но чувствую, как магия струится с пергамента, связывая человека за окном незримыми нитями с начертанным образом. Рисунок начинает шевелиться, повторяя движения азориувского крикуна. Я стучу по стеклу, и он оборачивается. Я прижимаю рисунок к окну. Должно быть, он не сталкивался с порчиевым пергаментом прежде, поскольку никак не реагирует на карикатуру. Это довольно слабое заклинание, им чаще забавляются дети, мучая друг друга, или родителей, когда не могут добиться своего. Всего минута жуткой, обжигающей боли, после чего эффект растворяется без следа. Ерунда.

Старик наблюдает за тем, как я медленно разрываю пергамент с рисунком пополам. Внезапно он обеими руками хватается за голову и вопит что есть мочи. К тому моменту, когда разрыв доходит до нарисованного живота, он уже в бреду со всех ног мчится прочь.

- Вот и все, - говорю я. – Проблема решена.

Она не выглядит впечатленной. – Ну да, а минут через десять сюда вломится с полдюжины азориузовских аррестеров. Вряд ли я что-то продам, если меня упекут в Удзек.

Я жду, что она попросит меня убраться прочь, чтобы я смог выйти за дверь и оставить в пошлом этот прискорбный ляп, но ее поза меняется. Исчезла хмурость во взгляде, и руки более не скрещены на груди. Не поймите превратно, она все еще чертовки раздражена, но я чувствую, что мы стали сообщниками в сложившейся ситуации.

- Сколько чучел тебе нужно продать? – Спрашиваю я.

- Тридцать, чтобы выйти в ноль за эту неделю.

- Ты легко продашь столько сегодня в «Ночном Хохоте». Хозяин клуба мой старый приятель. Уверен, он разрешит тебе открыть у него точку. Аррестеры забудут о мелком нарушении чучельного правила, как только резня Фестиваля Ярости выплеснется на улицы.

- Правда? – Она скептически приподнимает бровь, и протягивает руку. – Зита. Ты уверен, что твой приятель будет не против?

Зита. Я узнал ее имя. Выкуси, чертов засранец.

Я растекаюсь в улыбке. – Ольрик и я, мы как семья. Он не сможет сказать, нет.

- Нет, - говорит Ольрик, выглядывая за кроваво-красные кулисы в вымощенный камнем зал, где через пару часов соберутся посетители. Зита стоит у решетки погасшего очага в окружении двадцати мешков, набитых ее лучшими поделками. - Я точно не хочу спалиться на чучельной магии. Сегодня Азориус будут во все оружие отлавливать мельчайших нарушителей.

- Раньше ты их не боялся. Та твоя пародия на Баана за пару месяцев стала легендой.

- Все уже не так, как прежде, Кодо. - Ольрик, непоседливый мелкий бес, отмахивается от меня и на всех четырех несется к подобию кухни его заведения.

- Услуга за услугу. Я организую тебе выступление в Рикс Маади! - Кричу я ему вслед. Он замирает. Поворачивается. Выступить в Ратуше гильдии - заветная мечта Ольрика, но шанс пробиться на главную сцену есть лишь у тех, у кого количество поклонников исчисляется тысячами. Он прыгает мне на руки, чтобы быть со мной на уровне глаз. Теперь все его внимание приковано ко мне. - Прошла уже пара веков с моего последнего там выступления, но я все еще знаком с большей частью трупны. Могу обеспечить тебе центральную сцену Фестиваля! Ты только представь весь этот удушливый жар. Запах свежей серы в легких. Прошу тебя...

- Ладно. Пусть торгует в дальнем углу и не высовывается. А ты мне устроишь выступление перед самим Рекдосом!

- Рекдос и я, мы как семья... - говорю я и, спустя десять секунд, уже делюсь с Зитой хорошими новостями.

Посетители начинают подтягиваться вскоре после того, как она закончила раскладывать товар. Место не самое проходное, но зато здесь она точно не привлечет внимание проходящих мимо аррестеров. Зита все еще от меня не в восторге, но пока еще и не жарит мое чучело. Скоро она услышит мои стихи, и тогда уж наверняка склонится в одну, или в другую сторону

Ольрик разогревает публику своими дьявольскими шуточками и точной пародией на Нив-Миззета, включающей изрыгание огня на ноги несчастных глупцов, решивших занять места в первом ряду. Он сегодня хорош. Мысль о представлении в Рикс Маади, вероятно, все еще кружит ему голову. Многие начинающие артисты жаждут оказаться на главной сцене. И их можно понять. В Рикс Маади хохот громче, трюки зрелищнее, кровь багровее, гуще, слаще. Ночь за ночью ты пожинаешь овации, участвуя во всевозможных плотских утехах. Вокруг тебя образуются группки ненасытных последователей, восторгающихся неповторимым стилем твоего кутежа, пока однажды Рекдос не заметит, что у тебя на пару фанатов больше, чем у него.

Тогда он убьет половину.

И после этого трюки становятся менее дерзкими, смех приглушенным, а кровь замедляется и остывает. Ты собираешь вещи и покидаешь Нижний город, пытаешься заработать на хлеб на улицах Равники чтением стихов перед пьяными посетителями таких заведений, как "Ночной хохот".

Я выхожу на сцену, цепляю на нос очки, и окидываю взглядом мятые листы с записями. Звучит барабанная дробь, тонкая человеческая кожа издает пронзительные ударные ноты, эхом отражающиеся по всему залу. Я декламирую:

Железо. Цепи. Кровь. Ножи.
Ослепительные дивы. Безрассудные мужи.
Жизнь ручьем течет в кювет.
Без наслажденья боли нет.

За минуту славы проданы века.
Но пылает сердце и тверда рука.
В доме, где когда-то родилась любовь
От дыханья смерти стынет в жилах кровь

Слышатся одинокие робкие хлопки. Я поднимаю голову, в надежде, что аплодирует Зита, но это не она. Публика занята поглощением эля и разговорами. Я могу завоевать их внимание, но для этого нужно отколоть что-то более рискованное.

Я громко отрыгиваю, чтобы привлечь их внимание. – Ну что, уверен, вы заметили все эти надзорные дыры, разверзшиеся повсюду в последнее время, мерцающие в воздухе, и захлопывающиеся, как только вы начинаете в них всматриваться. Сажусь срать и думаю, не наблюдает ли за моими потугами на толчке какой-нибудь всевидящий азориусовский бедолага. Хотя, откровенно говоря, то, во что бесовская похлебка Ольрика превратит ваш кишечник, должно караться тюремным сроком!

- С похлебкой все в порядке. Я ее каждый день ем! - Выкрикивает Ольрик из-за кулис, но уже поздно. Я заработал пару смешков, и толпа заметно теплеет.

- Это от того, что у тебя луженый желудок, дружище, а о твоём умении контролировать свою задницу вообще слагают легенды! - Я указываю на демона в первом ряду, доедающего свой суп. - А вот этот приятель, боюсь, скоро нарушит Азориусовский протокол 3435-Т... использование взрывчатых веществ в замкнутом пространстве. И пространство это... его штаны.

Я наслаждаюсь сиплым хохотом и улюлюканьем. Огр вскакивает со своего места и хватается за кованный канделябр, висящий над залом. Он раскачивается взад, вперед, демонстрируя акробатические трюки, и, несмотря ни на откровенную набедренную повязку, неспособную

справиться со своим прямым назначением, ни на куски осыпающейся с потолка штукатурки, все с восхищением наблюдают за его изящными движениями. По крайней мере, до тех пор, пока один из железных крюков, вживленных в его плечо, не цепляется за декоративный элемент канделябра.

Кожа рвется, огр валится вниз на свое место, воя от боли. Свой стыд он топит в бутылке эля. Но в воздухе запахло кровью, и если до этого внимание аудитории походило на тлеющую золу, то теперь оно пылает огнем.

- А небесные письма вообще уже не гаснут. Над Новым Прахвом горит так много рун новых законов, что небосвод над их Ратушей светит ярче, чем свечи на именинном торте Рекдоса. Они такие яркие, что азориусовские сенаторы обгорают, пока добираются до своих кабинетов! - Я поднимаю руку и прищуриваюсь, словно смотрю на солнце. - Уух! Жжет! Но пылающая красная кожа все же сексуальнее, не так ли? - Я принимаю непристойную позу, и зал заливается смехом. Я слышу и свист, и, признаюсь, не сильно удивлен, когда, подняв взгляд, вижу, что свистит Зита.

- Как вы знаете, Удзек открылся совсем недавно. Тюрьма. с Максимальной. Степенью. Защиты. - Зал мгновенно взрывается возгласами возмущения. - Знаю, знаю. Кто-нибудь из вас знаком с кем-то из Удзекских заключенных? - Почти все собравшиеся поднимают руки. - Я слышал, она уже переполнена. Пятьдесят тысяч заключенных в этом монолите. На самом деле, во всей Равнике есть лишь одна вещь, раздутая больше, чем Удзек, и это - эго Довина Баана! - Я расправляю воображаемые лацканы и расхаживаю так, словно у меня кочерга в заднице, тыча пальцем в случайных зрителей, и, подражая гнусавой манере гилдмастера Азориус, приговариваю, - Тебе камеру, и тебе камеру, и тебе камеру, и тебе камеру! Тюрьма для всех! - Толпа взрывается. - Вы надо мной смеетесь, гражданин? Никто не смеет смеяться в присутствии Довина Баана!

Внезапно в зале воцаряется мертвая тишина. Я оглядываюсь и вижу у входа азориусовского аррестера. Я откашливаюсь, и меняю тему, распекая на этот раз Груулов. Смех в зале звучит натужно. В воздухе повисло напряжение. Я все же довожу выступление до конца - двадцать три минуты непрерывной пытки. Толпа начинает редеть еще на половине, и даже Зита выглядит так, словно хочет уйти. Как только последняя шутка соскальзывает с моего раздвоенного языка, я ретируюсь за сцену, чтобы собраться с духом. Азориусы никогда прежде так меня не напрягали. Сотню лет назад, мы бы всем скопом обстебали этого солдата. Но за последние пару месяцев что-то изменилось. Теперь я на нервах, боюсь, что меня арестуют за что-нибудь настолько безобидное, как порчиевый пергамент.

- Я видел выступления и хуже, - успокаивает Ольрик, переминаясь у меня на плече. Он всегда был отменным лжецом, и сегодня я ценю это, как никогда прежде.

Я помогаю Зите перенести мешки с товаром обратно в ее лавку. Теперь там должно быть безопаснее, пока вокруг пылает Фестиваль Ярости. Церемониймейстеры танцуют на своих парадных платформах, швыряя в толпу ожерелья из позолоченных позвонков. Органисты исполняют оглушительные мелодии, которые едва ли можно назвать музыкой. Рвотные массы зловонной жижей текут по улицам, а вдали слышен звон забойных колоколов - звонящих по каждой душе, угодившей в лапы Рекдоса в этом году. Я не обращаю на все это внимания. Я не в настроении праздновать.

- Мне кажется, или мы уносим больше чуел, чем принесли? - Спрашиваю я Зиту.

- Я продала двенадцать, но, когда зашел тот аррестер, все потребовали деньги назад. Ну, и я начала делать еще одно во время твоего выступления. Надо же было как-то время скоротать.

- Уфф. - Вот и все. Больше я ее никогда не увижу. По крайней мере без масок. Еще три квартала, и она навсегда исчезнет из моей жизни.

- Ха, смотри, - говорит Зита, указывая на граффити на стене галантерейной лавки: *Довин Банн жрет тухлые дрейковые яйца*. - "Баан" написано с ошибкой. Скорее всего, писал какой-нибудь трусливый, продажный наемник, но, раз уж ты решился оскорбить кого-то, мог бы хоть имя правильно написать. - Чары на граффити все еще свежие, и Зита исправляет первую *n* на вполне отчетливую *a*. - Так лучше?

- Наверно, - бормочу я, пиная копытами гравий. Мы идем дальше, но парадное шествие вскоре нагоняет нас. Изысканно оформленные платформы заполняют улицу, несомые на плечах массивных демонов, на фоне которых даже я выгляжу задохликом. Шуты разъезжают верхом на покрытых штырями кованых колесах боли и пыточных клетках, беспечно не обращая никакого внимания на верную смерть от любого неверного шага.

Я совершаю ошибку, пялясь на них слишком долго, лукавый взгляд одной из артисток встречается с моим, и я тут же чувствую непреодолимое желание принять ее вызов. Я восхожу на платформу и вскарабкиваюсь вверх по кривым перекладинам пыточной клетки, сооруженной по всем правилам оптических иллюзий. Внизу меня ожидают острые штыри, вероятно, смазанные ядом, поскольку, чем громче вопли, тем громче восторг зрителей, а Фестиваль Ярости не лучшее время для сдержанности. Но я не обычный доброволец-самоубийца. Я жил и дышал пыточными клетками на протяжении целых столетий. Я исполняю двойное сальто с разворотом, цепляясь за одну перекладину, затем за другую, раскачиваясь и позволяя инерции подбрасывать меня все выше. Хлипкая структура клетки становится еще хрупче по мере моего восхождения. Сварочные узлы крошатся, металлические прутья гнутся, но я выбрасываю все это из головы, сосредоточившись на своем выступлении. Финальный жест - стойка на одной руке на пылающей вершине, затем соскок обратно в толпу ликующих зрителей.

Десять секунд запаха собственной паленой кожи вернули мне праздничное настроение. Я подзываю уличного торговца и заказываю на двоих копченую в меду тушку какого-то жуткого существа, его нежное мясо само отпадает от костей.

- Тебе бы стоило выступать так почаще, - говорит Зита, прижимаясь ко мне и слизывая с пальцев острый соус. Возведенный ею барьер внезапно испарился. Даже лучше того. Его словно никогда и не было. - Ты был неподражаем.

- Я уже выступал так... когда-то.

Она смотрит мне в глаза, готовая выслушать мою исповедь, но позади нас раздаются тяжелые, чеканные шаги. Мы оборачиваемся и видим, что к нам приближается солдат Азориус.

- Стоять! - Командует он. - Вы арестованы за нарушение протокола Азориус номер 3691-Ж...

Я роняю мешки с чуелами, завожу руки за спину, и жду, когда заклинание повяжет мои запястья. Дурацкий порчиевый пергамент. Это даже чучельной магией можно назвать лишь с натяжкой!

- ... осквернение общественного здания, - продолжает он, - А также протокол Азориус номер 6342-Р, оскорбление Гилдмастера, - произносит аррестер, связывая Зиту заклинаниями, способными завалить гиганта.

- Она не оскверняла никаких зданий! - Говорю я, расслабив руки. - Ну, там было какое-то граффити, но не она его туда нанесла. Она только исправила грамматическую ошибку.

Зита бросает на меня гневный взгляд.

Ваше свидетельское показание, подтверждающее ее вину, занесено в протокол, - чеканит арестер.

Я морщусь, - Но... ! - И вот так, Зита исчезает из моей жизни. На этот раз с концами.

Всем известно, что снаружи Уздек совершенно неприступен, но Ольрик уверяет меня, что он знаком с какой-то женщиной, которая там работает... или, по крайней мере, *раньше* там работала. Судя по всему, ее падение в глазах Азорус было довольно стремительным. Ее обветшалая хижина у самых доков неотличима от окружающих рыбацких лачуг. Густые клубы ладана, струящегося сквозь щели дощатых стен, оберегает жилище от тошнотворной вони снаружи.

К гадалке не ходи, гласит надпись на покосившейся деревянной вывеске над входом.

- Ты уверен? – В двадцатый раз спрашивает меня Ольрик. – Потому что, как только мы перешагнем порог, пути назад уже не будет.

- Я не дам им сгноить Зиту в тюрьме! Знаю, это нелепо, но я чувствую, что у нас с ней духовная связь.

- У тебя нет души, Кодо. – Щетинится Ольрик. – Но, если она тебе так дорога, пошли.

- Ольрик! – Откликается женщина, открывая дверь за секунду до того, как мы успеваем постучать. Она вся покрыта морщинами, но не как старуха, а так, словно она натянула первую попавшуюся кожу, не задумываясь о том, как она сядет. Она приседает на корточки и обнимает беса. Их объятия длятся достаточно долго, чтобы я задумался об их совместном прошлом.

- Рад тебя видеть, Лучинка. – Это...

- Кодолааг, - говорит она, протягивает руку и энергично трясет мою ладонь. – Как чудесно, наконец, с тобой познакомится. Лично.

Она проводит нас внутрь, два кресла у стола ожидают гостей, на одном дополнительная подушка, чтобы Ольрик сидел на одном уровне с нами. На столе стоит коробка, завернутая в фольгу. – Ты ей сказал, что мы придем? – Шепчу я Ольрику. Он качает головой.

- Как у тебя дела? – спрашивает Ольрик. – Вижу, ты неплохо здесь обустроилась.

- Дел много. Симики пиратствуют как никогда. Каждое третье судно, отчаливающее от местной пристани, не возвращается. Я немного уравнила шансы - сообщаю капитанам наиболее благоприятное время отплытия. Не особо прибыльно, но зато моя совесть чиста, как хрустальный шар. – Она вежливо улыбается. – Я бы спросила, как дела у тебя, но... - Она постукивает пальцем

между бровями, затем наливает нам по стакану «Виски Южного Склона» и, прежде чем я успеваю попросить, опускает в мой стакан кубик льда.

- Вы маг-прорицатель, - говорю я, пока она отпивает свой виски, скорее для того, чтобы у нее не было времени снова меня опередить. Ее губы искажаются в кривоватой ухмылке.

- Извини. Это ужасная привычка. Мне стоит уже запомнить, что людям больше нравится, когда вопросы формируются в их головах до того, как я на них отвечаю. Но я уже довольно сильно продвинулась в этом направлении. В Сенате не поощрялись мысли о возможных последствиях нашего провидения. У них все нормально с чувствами, но вот со страстью к правосудию бывают... легкие перегибы из-за излишней приверженности букве закона, а не его духу. И, отвечая на твои следующие вопросы, Да. Да. Тридцать семь лет. Мне было не по душе осуждать людей, еще не совершивших преступления. И исключительно платонические. Знаю, об этом бы ты вслух не спросил, но вопрос написан у тебя на лице.

У меня кружится голова.

- Прости, я снова за свое, да? Эх, ну что тут поделать.

Ольрик ей доверяет, и она производит впечатление надежной, поэтому я кладу на стол и подталкиваю к ней большую часть своих сбережений. Там не много. Даже хорошие поэты довольствуются грошами, что уж говорить обо мне.

Лучинка поднимает крышку с коробки на столе. – Я сложила сюда все, что вам понадобится, чтобы осуществить задуманное. Не говорите об этом вслух. Старайтесь даже не думать об этом. Чем более спонтанно вы себя будете вести, тем меньше шансов у магов-прорицателей вас в чем-либо заподозрить. Отправляйтесь в Удзек завтра утром. В очереди встаньте за самкой минотавра с кудрявой рыжей гривой. Остальное станет очевидным в свое время. Для того, чтобы все получилось, вам надо быть там обоим.

Ольрик возмущенно открывает рот, но Лучинка осаждаёт его пристальным взглядом.

- Да, обоим. У каждого из вас есть навыки, необходимые для освобождения невинных. – Она делает последний долгий глоток виски, кладет полу-пустую бутылку в коробку, закрывает ее и подталкивает ко мне. – Пожалуйста. И не открывайте ее, пока не встанете в очередь.

Руны кружат вокруг Удзэка, громадной цитадели, исчезающей в небесах. Мы прибыли рано, наблюдая за тем, как посетители потихоньку стекаются к главным воротам. Я держу коробку в руках, едва сдерживаясь, чтобы не заглянуть внутрь. Наконец, мы замечаем ее, самку минотавра с копной рыжих кудрей по пояс. Мы с Ольриком быстро переходим улицу и встаем за ней.

Очередь движется медленно и наконец останавливается. Мы переглядываемся, затем открываем коробку и пялимся на содержимое: начатая бутылка виски, детский комбинезон с осенними листиками на слюнявчике, пеленальное одеяльце той же расцветки, и кованный амулет с крупным янтарем, по поверхности которого потусторонней тенью вихрится темная энергия. Заклинание Кровавой бойни... Я вдоволь насмотрелся на его действие в последнюю ночь каждого Фестиваля Ярости. Церемониймейстер взбирается на пятиэтажную пыточную клетку и разбивает

зачарованный янтарь, орошая пламенем Кровавой бойни толпу под ним, которая тут же съезжает с катушек и переворачивает все вокруг вверх дном. Беспроигрышное зрелище. По крайней мере для выживших.

- Нельзя, чтобы у нас здесь это нашли, - говорю я Ольрику. - Иначе мы тоже сядем.

- Лучинка бы нас не подставила. Я ей доверяю. Очевидно, мы должны с этим что-то сделать.

Я оборачиваюсь, готовый ретироваться и попытать удачи в другой раз, но не менее сотни посетителей толпится между нами и выходом. Я встаю на цыпочки и вижу азориусовских магов подавления, инспектирующих первые ряды на наличие магии или контрабанды. Одна из них, худощавая, бледно-синекожая ведалкенша, выглядит так, словно отработывает уже третью смену, уставшая и небрежная, она больше сосредоточена на подавлении зевков, чем на тщательности досмотра. Молодая эльфийка с младенцем на руках подходит к ней, и маг подавления почти не обращает внимания на ребенка. Лишь пара легких прощупываний. Ее напарник делает ей замечание и прощупывает младенца повторно, на этот раз тщательнее. Я смотрю на комбинезон, затем на Ольрика. – Думаю, предполагалось, что ты это наденешь.

Его глаза вспыхивают. – Ну уж нет. Я на триста лет старше тебя, во имя Рекдоса!

- Знаю, но ты сам сказал, что доверяешь Лучинке.

- Она хитрая, сморщенная шельма, вот она кто, - ворчит он, но все же натягивает комбинезон, просунув хвост в отстегнутый кармашек ниже спины.

- Ты теперь такой же миленький, как и в день манифестации, - говорю я.

- Никто на это не купится.

- Ты явно недооцениваешь, как сильно хочется потискать твои розовые щечки. – Он и впрямь выглядит умильно, но, хоть это и может слегка уменьшить тщательность досмотра, пронести нечто столь мощное, как артефакт, заряженный чарами Кровавой бойни мимо магов подавления нам все равно не удастся.

- Давай-ка, проглоти его, - говорю я Ольрику, подсовывая к нему амулет. Он довольно увесист, но желудок Ольрика – настоящее хранилище. Я видел, как он прятал в нем целый мешок монет, размером с мой кулак, когда заподозрил, что его подчиненные подворовывают из кассы. – Хоть какая польза от твоего луженого желудка. Думать некогда.

Взгляд Ольрика способен заморозить Рикс Маади, но он подчиняется. Последняя деталь – старое доброе отвлечение внимания. Самка минотавра перед нами одета в длинную шерстяную накидку с капюшоном за спиной. Идеальное место для нашей бутылочки виски. Я осторожным движением кладу бутылку в складки капюшона, надеюсь, что она достаточно легкая, чтобы не оттянуть ткань накидки на себя.

Самка минотавра оборачивается, меряет меня гневным взглядом, но затем замечает Ольрика у меня на руках, и ее глаза начинают искриться от умиления. – О, какой миленький чертеночек. У него определенно твои глаза. Какая досада, что малышу приходится бывать в таком жутком месте. Я и сама бы никогда в жизни не подумала, что окажусь здесь, но муж связался с мерзким типом. Помяни мое слово, если доведется иметь дело с оржовскими брокерами, требуй все расписки на пергаменте!

- Следующий! – Выкрикивает маг подавления.

Минотавриха поворачивается и, встряхнув рыжей гривой, шагает вперед. – Житка Уотис. Прошу свидания с Гримбли Уотисом.

Маги жестом подзывают ее и производят ритуал обнаружения и подавления всякой магии. Она успешно проходит этот этап, но при физическом досмотре, обнаруживается бутылка в капюшоне.

- Как она туда попала? – Вопит самка минотавра. – Это не мое! – Все ближайшие маги окружают ее, кроме ведалкенши, которая просто зевает и подзывает нас к себе, пока минотавриха грозит насадить на рога всякого, кто попытается к ней приблизиться.

- Мне жаль, что вашему малышу пришлось это видеть, - говорит она уставшим голосом, автоматически окутывая меня чарами обнаружения магии. – Чего только люди ни пытаются пронести внутрь. – Она щекочет Ольрика под подбородком. Я сверлю его гневным взглядом, пока он не начинает умилительно хихикать. – Выпивка, зачарованное оружие, эликсиры. Все подряд. Но все, чего не обнаружим мы, выудят маги-прорицатели. Стоит кому-нибудь хоть подумать о том, чтобы проташить какое-нибудь заклинание, и мы в двадцать секунд здесь все запечатаем!

Ее руки прощупывают Ольрика, и я изо всех сил стараюсь не думать о сами-знаете-чем, спрятанном сами-знаете-где. Если желудок Ольрика способен удерживать его бесовскую похлебку, то, возможно, и магии будет не просто из него выскользнуть.

Наконец, нас пропускают. С моих губ слетает выдох облегчения, но, прежде чем мы успеваем сделать пару шагов, нас подзывает другой маг. – Вы двое. Погодите-ка.

Он чеканным шагом подходит к нам и сует Ольрику в руки буклет. Раскраска: Разрыв Векового Круговорота Языческой Ереси. Огромная карикатура на Рекдоса на обложке попирается Ведалкеном в безупречных одеждах, как две капли воды похожим на Баана. – Сенат всецело посвящен обучению следующего поколения пути правосудия, в какой бы выгребной яме оно не зародилось. – Он удаляется, вручая раскраски всем детям, пришедшим навесить одного из своих лишенных свободы родителей, и я вдруг поражаюсь тому, как много их оказывается было в очереди.

Ольрик начинает рвать раскраску, но я выхватываю ее из его когтей. – Прекрати. Все происходит неспроста. Разуй глаза. Очисти мысли.

- Ладно. Но клянусь, если еще кто-нибудь начнет тискать меня за щеки, я ему всю рожу раздеру.

Я провел столько времени, упиваясь каждым мгновением своей жизни, что не сразу распознал ощущение сжатого кома в животе. Вина. Раскаяние. Тягостное чувство несоответствия. Зита садится за стол напротив меня, едва заметное голубое свечение магической пелены между нами препятствует физическому контакту.

- Как ты? – Спрашиваю я. – С тобой нормально здесь обращаются?

Она кивает. – Здесь не так уж и плохо. Приличная еда, и охранники довольно вежливы. К тому же, я завела тут пару друзей.

Я выдыхаю с облегчением. – Рад это слышать. А то наслушался жутких рассказов... нечеловеческие условия содержания, принудительные работы, жестокость.

Зита улыбается, но ее взгляд остается отстраненным. – Это точно не про Удзек. Я отбываю свой срок в спокойствии, проживая день за днем, чтобы будущее не начало казаться иллюзией.

Я мгновенно напрягаюсь. *Иллюзия*. Наше общее стоп-слово. Здесь все не так уж и прекрасно. Должно быть, охранники заставляют заключенных хорошо отзываться о своем содержании – или будет хуже. Я должен вытащить Зиту отсюда *немедленно*, но если мы выпустим заклинание Кровавой бойни, то здесь все заблокируют в считанные секунды, вместе с нами.

- Клянусь, Зита, я вытащу тебя отсюда, - шепчу я. – Я найду способ.

Она медленно кивает, затем глядит на Ольрика. – А что здесь делает наш пончик?

Ольрик открывает рот, чтобы послать ее, но я сую перед ним раскраску. – Вот, - говорю я ему. – займись-ка этим, *сынуля*. – Он раскрывает брошюру, смотрит на картинку, затем рвет ее на мелкие клочки и запихивает себе в рот.

Зита быстро оглядывается по сторонам, затем быстро тянется рукой сквозь магический барьер. Электрические разряды впиваются в ее тело, но она, стиснув зубы от боли, касается раскраски, и нарисованный на странице солдат Азориус оживает.

- Не трогать! – Рывкает охранник у нее за спиной.

Зита вскидывает руки вверх. – Простите, извините. Я лишь хотела коснуться сына. Я так по нему соскучилась.

Охранник удивленно приподнимает бровь, рассматривая странную семейку, хотя, уверен, тут и не такое можно увидеть. Он успокаивается, и Зита сверлит меня многозначительным взглядом. Я смотрю на страницу с картинкой, имитирующей стоящего за ее спиной охранника. Порchieвый пергамент на скорую руку. Я протыкаю крошечную дырочку в районе щиколотки нарисованного солдата, и охранник наклоняется, чтобы размять судорогу в ноге. Я жду, что маги подавления обнаружат действие магии и накроют нас всех, но заклинание, очевидно, слишком слабое, чтобы его опознали. Зита только что дала нам способ отсюда выбраться.

Я слегка подталкиваю Ольрика, чтобы он начал болтать с Зитой, пока сам осторожно рисую каждого из охранников и магов, следящих за порядком в комнате для свиданий, по несколько фигур на каждой странице, под мерный гул разговоров посетителей с их арестованными половинками. Я дважды пересчитываю зарисовки, чтобы убедиться, что никого не пропустил. Затем вырываю страницы из раскраски и просовываю сквозь барьер.

Электрическая аура мгновенно испепеляет пергамент, и стражники все, как один, начинают вопить так, словно их жгут живьем. Зита бросается сквозь магический барьер, стиснув зубы и морщась от жгучей боли. Ее одежда дымится и вот-вот загорится. Она сбрасывает тюремную робу, и Ольрик бросает ей свое одеяльце. Оно слишком мало, чтобы в него завернуться, но Зита за долю секунды разрывает его под нужным углом, и парой ловких движений, превращает в короткий, но сносный топ.

Я использую последние страницы на караульных в петляющих коридорах. Мы действуем спонтанно, на нашей стороне эффект неожиданности и непредсказуемости, и если нам удастся все повернуть быстро, то, когда маги-прорицатели узнают о нашем побеге, нас здесь и след простынет.

За ближайшим поворотом слышатся шаги, и я ужасно жалею, что Ольрик сожрал последний кусок пергамента. Но в следующее мгновение он прокашливается и произносит, "Горожане! Узрите! Это я, ваш высокочтимый Верховный Арбитр, Защитник Правосудия, Создатель Протоколов!", в точной имитации голоса Довина Баана, в сравнении с которой мои пародийные потуги выглядят попросту жалкими. - Сомкните же веки и перечислите все те многочисленные преобразования, которые, благодаря моей проницательности и изобретательности, превратили эту гильдию в маяк сияющей праведности, коим она является сегодня.

Шаги останавливаются. - О, Мастер Баан? Я не знал, что Вы...

- Я сказал закрыть глаза и начать считать! - Приказывает Ольрик.

- Первое, - слышится невнятное бормотание. - Вы тщательно просеяли наши ряды, избавив Сенат от тех, кто злоупотреблял данной нам властью.

Мы тихо заворачиваем за угол, обходим солдата, и вскоре оказываемся в очереди посетителей, покидающих пределы тюрьмы. Мы продвигаемся быстро. У нас все получится.

- Это они! - Звучит знакомый женский бас. - Демон и его дьяволеныш! Начертите вокруг меня круг истины, и убедитесь, что я говорю правду! - Мы оборачиваемся и снова видим самку минотавра, с раздутыми от ярости ноздрями.

- И я! - Говорит вампирша, ловко уклоняясь от лучей утреннего солнца, струящихся сквозь узкие окна. - Я видела, как он это сделал.

Прежде чем мы успеваем начать оправдываться, нас с Ольриком сковывают магическими узами. Зита оборачивается в нашу сторону.

- Иди, - беззвучно, лишь движением губ говорю ей я. Она мешкает, но вскоре исчезает в толпе.

Как только нам выдали тюремные роботы, нас тут же отправили на принудительные работы вместе с другими мелкими нарушителями и потенциальными нарушителями. Очередная поставка белого кварца медленно проплывает над нами, кольцо из трех дюжин магов опускает парящую глыбу на стройплощадку Экснера, новой тюрьмы, которая должна затмить собой Уздек.

Сейчас это лишь каркас из железных лесов, возвышающихся до самых облаков. Проект весьма амбициозный, но, благодаря бесплатному труду 20 000 заключенных, строительство идет быстро, и уже к следующей весне Экснер будет готов к открытию.

Кварцевая глыба грузно опускается на землю. Я принимаюсь обрабатывать ее своей киркой, отсекая крупные куски камня. Сейчас я работаю быстро и точно, но первые пару дней солдаты пороли меня за неравномерность форм отколотых камней, и за медленную работу. Здесь, вдали от постоянного надзора магов подавления, безнаказанно использовать магию легче, и в нашей группе много шаманов, способных подлатать шрамы на коже. Я наслушался их историй. Мелкие правонарушения, ошибочные задержания, и, в большинстве случаев, аресты за потенциальные нарушения, основанные на прихотях магов-прорицателей, сидящих взаперти в своих белокаменных башнях.

Ольрик ковыляет ко мне во время перерыва на обед, держа что-то за спиной. Он протягивает мне тонкое ожерелье из крысиных позвонков на веревке. - Знаю, повода праздновать особо нет...

Я едва не забыл, что сегодня последний день Фестиваля Ярости. Кажется, целая жизнь пошла с тех пор, как я зашел в лавку Зиты, решив прекратить вести себя, как закомплексованный извращенец, и попытаться с ней подружиться, но на самом деле еще и недели не прошло. Надеюсь, она сейчас где-то веселится, кровь в воздухе, дебоши на улицах. Самое время для декаданса и разврата.

Я поднимаю взгляд на каркас башни Экснера. Железные прутья арматуры торчат во все стороны, но я уверен, что смог бы взобраться по ним в считанные секунды. Мой разум начинает бурлить, а времени на осуществление плана остается все меньше. Маги-прорицатели в любой момент могут настроиться на мои мысли. - Ольрик, - говорю я, трясая его за плечи. - Помнишь ту штуку, которую ты проглотил? Она все еще там?

- Угу, у меня от нее не детские колики, но избавиться от нее возможности пока не было.

- Выкашляй ее.

- Но...

- Прямо сейчас! Быстрее!

Ольрик извлекает амулет. Не через то отверстие, на которое я надеялся, но в нашем положении выбирать не приходится. Я хватаю амулет и со всех ног мчусь к недостроенной башне. Солдаты вскакивают на ноги и бросаются за мной, щелкая кнутами. Магические разряды срываются с концов плетей, рассекают воздух, и хлещут меня по спине, но я игнорирую боль и ползу вверх, вновь чувствуя себя артистом. Я прыгаю, верчусь, исполняю опасные трюки, оставаясь при этом на шаг впереди ударов азориусовских кнутов.

Я достигаю вершины и позволяю себе на пару мгновений насладиться видом... десятки тысяч заключенных подо мной, сотни охранников. Когда Лучинка предвидела, что я освобожу невинных, я думал, она имела в виду Зиту, а не бесчисленных жертв несправедливости.

Я бью камень амулета о кусок торчащей арматуры, но ничего не происходит. Я бросаю взгляд вверх и вижу дюжину архонтов, затмивших горизонт, и пылающих ослепительным белым светом. Их крылатые животные прорываются сквозь завесу облаков, набирают скорость, приближаясь ко мне. Маги предсказатели уже в моей голове и знают о спектакле, который я собираюсь устроить, если только смогу высвободить заклинание из проклятого камня. Церемониймейстеры проделывали это без особых усилий, правда, их амулеты не хранились несколько дней в желудке у демона, разлагаясь в глубинах кромешного мрака. Но если камень оказался сильнее, может, и заклинание тоже боле мощное. Я собираю все силы, напрягаю уставшие от дробления камней мышцы, и снова бью камень о железный прут.

Амулет рассекает трещина, из которой вырываются клубы черного дыма, похожего на извивающиеся щупальца. Тьма разрастается, оттесняя свет, превращая день в ночь. Артефакт пульсирует глубоким, насыщенным красным светом, цвета только что пролитой крови, затем камень разлетается на мелкие куски, выстреливая сгусток раскаленной магии в темнеющее небо. На короткое мгновение воцаряется мертвецкая тишина, затем следует взрыв, сбивающий меня с ног. Я из последних сил держусь за куски арматуры, наблюдая за тем, как несметные угли, зачарованные заклинанием кровавой бойни, огненным дождем орошают землю подо мной, покрывая всю территорию стройки.

Когда дым рассеивается, архонты все еще летят ко мне, но уже слишком поздно организовать подавление столь масштабного восстания. Безумие волной захлестывает все вокруг. Рабочие инструменты превращаются в оружие. Воздух пропитывается густым ароматом крови, и дух праздника наполняет меня чистой яростью. И, с улыбкой неподдельной детской радости на лице, я бросаюсь вниз, горя желанием принять участие в самом грандиозном праздновании Фестиваля Ярости в истории.

Три стула, один с подушкой, стоят вокруг стола Лучинки, на котором покоится обернутая в фольгу коробка. Зита, Ольрик, и я занимаем свои места, пока Лучинка суетливо копошится в складках своей кожи, словно боясь, что в ней есть дыра, в которую мы сможем нечаянно заглянуть.

- Когда мне можно... - произносит Зита, не привыкшая к беседам с прорицателями.

- ...вернуться в свою лавку? Боюсь, никогда. Ваша прежняя привычная жизнь закончилась. Азориус не прекратит охоту на вас, пока каждый из сбежавших заключенных во время восстания не будет привлечен к ответственности. Они заявляют о 3 300 сбежавших, хотя истинное число куда больше.

Зита хмурится. Я знаю, как много значит для нее ее лавка. - Ладно, тогда куда нам...

- ...теперь податься? Вам придется начать новую жизнь в Нижнем Городе, - говорит Лучинка. - Вы троим неплохо сработались. Организуйте новую труппу. Окружите себя теми, кому вы доверяете.

Ольрик оживляется. - Нижний Город. Труппа? Я прямо вижу нас... вульгарнейшие шутки, смертельнейшие акробатические номера, самые экстравагантные костюмы!

- Костюмы, - произносит Зита, нотки радости прокрадываются в ее голос. - Я могу создавать костюмы.

Лучинка понимающе улыбается. - Вам они понадобятся, потому что, та работа, которую вы будете выполнять в качестве труппы, будет выходить за рамки фливорного развлечения. Несмотря на то, что большая часть освобожденных вами заключенных - невиновные, среди них, все же есть пара тех, кого нам стоит опасаться. Особенно одного.

Я смотрю на коробку на столе. - И то, что в это коробке, позволит нам их изловить?

- Ха, нет. Это свадебный подарок для тебя и... - Она смотрит в широко распахнутые глаза Зиты. - Ой, забудьте. Это очередной вопрос, который вы еще не скоро зададите. Я и впрямь неисправима.

Зита сжимает мое колено под столом. Я смотрю на нее и улыбаюсь. Возможно, завтрашний день - все лишь иллюзия, но эту иллюзию я готов дождаться.